

Психология развития

Михайлова Н.Ф., Смирнова А.В.

Формирование совладающего поведения у детей

Формирование адаптивного поведения ребенка происходит под влиянием процессов семейного взаимодействия и детерминировано семейной структурой, родительским копинг-стилем, полоролевыми стереотипами воспитания, а также характером детско-родительских отношений. Ребенок не копирует паттерн копинг-поведения родителя, а вынужден адаптироваться к нему в зависимости от того, как реально выстраиваются его отношения с взрослым и какими он их «видит».

Ключевые слова: *Копинг, копинг-поведение, копинг-стиль, детско-родительские отношения, структура семьи, полоролевой стереотип.*

Копинг-стиль подобно индивидуальному жизненному стилю человека определяет устойчивый способ психической адаптации, влияющий как на социальное окружение, так и на характер межличностных отношений. Копинг-поведение позволяет ослабить воздействие стрессора, таким образом, выполняя защитную функцию. Способам психологического преодоления (копинг-стратегиям) ребенок «обучается», взаимодействуя с взрослыми и детьми в первую очередь в семье, а затем и в социуме. Каким образом ребенок усваивает тот или иной способ совладания и, какие факторы влияют на его выбор - является предметом научного интереса в последние годы. В ряде исследований было доказано, что

копинг-стиль детерминирован возрастными, полоролевыми и семейными факторами [1,2, 4-6]. Были выявлены взаимосвязи между копинг-стилями родителей и детей [3].

Основными задачами данного исследования стали выявление факторов, влияющих на формирование паттерна копинг-поведения у детей, воспитывающихся в разных семейных контекстах, а также апробация и стандартизация переведенного нами теста ««Self-Report Coping Scale» Скиннера.¹

В данном исследовании принимали участие 575 детей в возрасте от 7 до 11 лет из 12 школ и их родители (570 чел.) из 314 полных, 136 неполных, 56 смешанных, 28 многодетных и 27 расширенных семей. Подавляющее большинство детей можно отнести к условной норме, только 49 детей имели расстройства поведения (нарушенные отношения с взрослыми и сверстниками в школе и дома - побег, воровство, бродяжничество, попрошайничество, жестокость и агрессия, конфронтация и оппозиционное поведение и пр., классифицируемые по МКБ-10 как F.91.3). В связи с этим при анализе они были выделены в отдельную группу.

В качестве методов исследования использовались: у детей опросники «Self-Report Coping Sale» Скиннера, «Schoolager`s Coping Strategies

Inventory» Райана, шкала тревожности CMAS, опросник BPP – «Взаимодействие родитель-ребенок» (наша модификация для младших школьников), а у взрослых – взрослый вариант опросника BPP и WOCQ Лазаруса.

В исследовании было установлено, что копинг-поведение детей, несмотря на то, что оно может быть ими индуцировано, тем не менее, не является точной копией родительского паттерна. Копинг-стиль зависел от субъективного восприятия ребенком характера детско-

¹ В сборе экспериментальных данных под руководством автора принимали участие О.Ю.Машталь.

родительских отношений, которые являются важным условием принятия или отвержения той или иной модели совладания либо «подстраивания» к ней. В какой степени копинг-стиль родителей определяет характер детско-родительских отношений? Какое значение имеют полоролевые стереотипы в воспитании и, соответственно, в формировании копинг-поведения детей?

Данные проблемы являются актуальными в рамках исследования факторов и условий, влияющих на формирование копинг-стиля детей и подростков в связи с задачами психокоррекции и психотерапии.

Были обнаружены достоверные различия в стилях копинг-поведения и отношения к ребенку у матерей и отцов. Матери достоверно чаще, чем отцы использовали стратегии *поиска социальной поддержки* (при $p=0,000$), *принятия ответственности* (при $p=0,016$) и *избегания* (при $p=0,002$). Отцы были более требовательны к ребенку (при $p=0,003$) и чаще отмечали семейную конфронтацию в вопросах воспитания, чем матери. Тогда, как матери были более строгими (при $p=0,002$), отмечали большую эмоциональную близость (при $p=0,000$), принятие (при $p=0,005$) и сотрудничество с ребенком (при $p=0,000$), а также больше тревожились за него ($p=0,000$).

Данные различия были детерминированы главным образом ролевой структурой семьи и разделением функциональных позиций матери и отца в полной семье.

Копинг-поведение и стиль отношений с ребенком у матерей и отцов в семьях с разной структурой также существенно различался:

- Матери в полных семьях по сравнению с неполными семьями достоверно *чаще* использовали копинг-стратегии *самоконтроля* (при $p=0,011$) и *реже* *положительную переоценку* (при $p=0,023$), а также достоверно *больше* испытывали тревогу за ребенка (при $p=0,026$) и *меньше* проявляли воспитательную конфронтацию в семье ($p=0,000$);

- Матери в полных семьях демонстрировали достоверно *больше* принятие ребенка ($p=0,01$), последовательность в воспитании ($p=0,009$) и достоверно *меньше* контроль над ребенком ($p=0,009$) и воспитательную конфронтацию ($p=0,019$), чем из смешанных семей;
- Отцы в полных семьях в отличие от отчимов проявляли достоверно *больше* принятия ребенка ($p=0,003$) и тревогу за него ($p=0,04$);
- Матери в неполных семьях отмечали достоверно *большую* эмоциональную близость с ребенком ($p=0,007$), принятие его ($p=0,019$), последовательность в воспитании ($p=0,008$), чем в смешанной семье.

Восприятие отношения к себе отца также различалось у детей, воспитывающихся в семьях с разной структурой. В полной семье дети достоверно *чаще* отмечали согласие отца с ними, нежели в смешанной семье ($p=0,019$). Дети из смешанных семей достоверно *чаще* заявляли о строгости отца, нежели в неполной семье ($p=0,029$), что, естественно, поскольку не часто отцы после развода участвуют в воспитании своего ребенка. Однако дети из полных и неполных семей достоверно *больше* отмечали принятие их отцом, нежели в многодетных семьях (при $p=0,007$ и $p=0,048$ соответственно).

Несомненно, структура семьи играет очень важную роль в жизни ребенка, влияя на формирование его личности и адаптационное поведение в том числе.

Дети из полных семей обладали более широким репертуаром копинг-стратегий, чем дети из неполных семей:

- Дети, воспитывающиеся в полной семье, достоверно *чаще* использовали стратегии *решения проблемы* ($p=0,003$), *поиска социальной поддержки* ($p=0,000$), *дистанцирования* ($p=0,006$) и *интернализации* ($p=0,004$), чем дети из неполных семей;
- Дети из полных семей достоверно *чаще* использовали стратегии *решения проблемы* - «что-нибудь меняю, чтобы получилось» ($p=0,037$) или «прошу прощения или говорю

правду»(p=0,031), стратегии *поиска социальной поддержки* – «спрашиваю совета у кого-нибудь из моей семьи» (p=0,011) или «говорю с кем-нибудь»(p=0,003), а также стратегии *дистанцирования и отвлечения* – «стараясь расслабиться, и оставаться спокойным»(p=0,016), «рисую, пишу или читаю что-нибудь» (p=0,000), «играю во что-нибудь» (p=0,015), «ем или пью» (p=0,031);

- Дети из неполных семей достоверно *чаще* использовали стратегию *дистанцирования* - «забываю все» (p=0,024) и *реже* стратегии *экстернализации* – «дразню кого-нибудь» (p=0,036) и *интернализации* - «думаю об этом» (p=0,011), нежели их сверстники в полных семьях.

Данные закономерности подтвердились при сравнении неполных и смешанных семей. Дети, воспитывающиеся в смешанной семье, также обладают более широким репертуаром копинг-поведения, нежели дети из неполных семей:

- Дети, воспитывающиеся в смешанной семье, достоверно *чаще* используют стратегии *решения проблемы* (p=0,001), *поиска социальной поддержки* (p=0,018), *дистанцирования* (p=0,022) и *интернализации* (p=0,010) по сравнению с детьми из неполных семей;
- Дети из смешанных семей достоверно *чаще* применяли стратегии *отвлечения и дистанцирования* – «стараясь забыть»(p=0,002), «рисую, пишу, читаю что-нибудь» (p=0,000), «играю во что-нибудь» (p=0,003), «говорю с кем-нибудь»(p=0,04), «остаюсь сам по себе, один» (p=0,004);
- Дети из смешанных семей в отличие от детей из неполной семьи достоверно *чаще* использовали экстрапунитивно направленный копинг - *замещение* - «делаю что-то подобное» (p=0,003) и достоверно *реже* интропунитивный – «жалую себя» (p=0,048).

Ребенок из полной семьи в большей степени, чем из смешанной семьи был ориентирован на *поиск социальной*

поддержки - чаще «получал помощь от друга» ($p=0,035$) и «спрашивал совета у кого-нибудь из своей семьи» ($p=0,047$). Дети же из смешанных семей по сравнению с детьми из полных семей достоверно чаще выбирали стратегии *отвлечения и дистанцирования* – «рисую, пишу, читаю» ($p=0,014$), «стараюсь забыть» ($p=0,013$) и использовали способы *замещения* – «делаю кому-то что-то подобное» ($p=0,013$).

Можно сказать, что дети из полных семей по сравнению с детьми, живущими с отчимом в смешанной семье, были в большей степени зависимы от поддержки окружающих и в меньшей степени использовали неадекватные стратегии *отвлечения, дистанцирования и замещения* (т.е. эмоционально-фокусированный копинг).

Дети из многодетных семей также отличались от своих сверстников. Они в большей степени были нацелены на *решение проблемы* – «думали о том, что будут делать или говорить», чем их сверстники из полных и неполных семей (при $p=0,022$ и $p=0,015$ соответственно).

Дети из многодетных семей по сравнению со своими сверстниками из полных и смешанных семей *реже* использовали копинг, направленный на *поиск социальной поддержки* (при $p=0,006$ и $p=0,032$ соответственно). Они в отличие от своих сверстников из полной семьи достоверно *реже* «рассказывали другу или кому-то из своей семьи о том, что случилось» ($p=0,021$), «получали помощь от друга» ($p=0,041$), и *чаще* «делали что-то подобное» ($p=0,029$) (т.е. старались «отыгаться» на ком-то).

Дети, воспитывающиеся в многодетной семье, отличались от всех остальных тем, что *реже* выбирали такую стратегию *эмоциональной поддержки*, как «обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую игрушку или глажу животное» (при $p=0,001$, $p=0,002$, $p=0,008$). По сравнению с детьми из полных и смешанных семей, они достоверно *реже* использовали стратегии *отвлечения* – «бегаю или хожу пешком» ($p=0,008$ и $p=0,012$

соответственно), «играю во что-нибудь»($p=0,012$), «рисую, пишу или читаю что-нибудь»($p=0,048$). Это объясняется тем, что в многодетных семьях у всех существуют проблемы с личным пространством и, кроме того, им рано приходится взрослеть - быстрее идет социализация. Возможно, поэтому они реже по сравнению с детьми из смешанных и полных семей используют стратегии интернализации и дистанцирования – «думаю об этом» ($p=0,001$), «стараясь забыть» ($p=0,001$ и $p=0,05$ соответственно.).

Таким образом, можно заключить, что специфика выбора ребенком копинг-стратегий обуславливается также условиями жизни и системой отношений в семье, которые заданы ее структурой. Дети из семей с двумя родителями оказались наиболее копинг-компетентными по сравнению с детьми из неполных семей. При этом копинг детей из многодетных семей был менее инфантильным и более социально зрелым, чем у сверстников, которые оказались в большей степени ориентированы на поиск социальной поддержки либо на эмоционально-фокусированный копинг.

В худшем положении оказались дети из неполных семей. Структура семьи с единственным родителем, когда вся власть в семье сконцентрирована в одних руках, не способствует разнообразию выбора способов совладания, которые ребенок может «себе позволить» в этих условиях. Поэтому они вынуждены в большей степени использовать стратегии, направленные на восстановление душевного, эмоционального равновесия, а не на решение проблемы.

Копинг-стиль родителей и характер отношений с ребенком был обусловлен полоролевыми стереотипами в поведении и родительских установках и существенно различался как у взрослых, так и в восприятии детей. Например, девочки отмечали *большую* близость с матерью ($p=0,029$) и удовлетворенность отношениями с ней ($p=0,05$), нежели мальчики. Мальчики достоверно *больше*, чем девочки были не удовлетворены отношениями с отцом ($p=0,05$), и *чаще* отмечали его строгость ($p=0,08$).

Полоролевые стереотипы обнаружены как в стилях воспитания, так и в копинг-поведении у взрослых. Мамы мальчиков достоверно *больше* проявляли строгость по отношению к ребенку, нежели мамы девочек ($p=0,013$). Папы девочек достоверно *больше* осуществляли контроль над поведением ребенка ($p=0,049$) и *меньше* проявляли строгость в воспитании ($p=0,034$), нежели папы мальчиков. В целом, отцы девочек *чаще* использовали стратегии *самоконтроля* ($p=0,06$) и *поиска социальной поддержки* ($p=0,018$), нежели отцы мальчиков. Это свидетельствует о различиях в способах совладания и стилях воспитания отцов и матерей, формируя, таким образом, у ребенка модели поведения, соответствующие его полу.

Гендерные различия в копинг-поведении это подтверждают:

- Девочки достоверно *чаще*, чем мальчики использовали стратегии *поиска социальной поддержки* - «рассказываю другу или кому-то из своей семьи о том, что случилось» ($p=0,048$), «рассказываю кому-то о своих чувствах» ($p=0,000$), «обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное» ($p=0,000$), «прошу прощения или говорю правду» ($p=0,001$);
- Для девочек также больше, чем для мальчиков, характерно *более частое* использование стратегий *интернализации* (при $p=0,027$): например, «жалею себя» ($p=0,023$); «беспокоюсь о том, что другие будут плохо думать обо мне» ($p=0,002$); «плачу и грущу» ($p=0,001$); «думаю об этом» ($p=0,035$); «молюсь» ($p=0,054$);
- Мальчики достоверно *чаще*, чем девочки использовали стратегии, направленные на *решение проблемы* - «что-нибудь меняю, чтобы все получилось» ($p=0,013$), а также стратегии *экстернализации* - «громко ругаюсь» ($p=0,045$), «делаю что-то подобное» ($p=0,015$), «борюсь или дерусь с кем-нибудь» ($p=0,000$), «дразню кого-нибудь» ($p=0,001$), «схожу с ума» ($p=0,034$), «бью, ломаю или швыряю вещи» ($p=0,059$);

- Мальчики *чаще* девочек используют стратегии *отвлечения* и *облегчения* – «сплю» ($p=0,039$), «гуляю вокруг дома или по улице» ($p=0,003$), «бегаю или хожу пешком» ($p=0,022$), «гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде» ($p=0,009$), а также «говорю с кем-нибудь» ($p=0,037$).

Это означает, что для девочек в этом возрасте больше характерен копинг интропунитивной, а для мальчиков – экстрапунитивной направленности, что, несомненно, обусловлено родительскими ожиданиями, поскольку проявления агрессии девочками не является социально одобряемой формой защитного поведения.

Дети с девиантным поведением также отличались по способам совладания от сверстников, не имеющих нарушений адаптации. Совладающее поведение детей с девиантным поведением было детерминировано нарушенными у них отношениями с социумом.

Дети с нарушениями поведения достоверно *чаще* применяли стратегии *экстернализации* ($p=0,045$). В стрессовых ситуациях они достоверно *чаще* выбирали следующие способы совладания: «злюсь, бросаю или бью что-нибудь» ($p=0,016$), «борюсь, или дерусь с кем-нибудь» ($p=0,000$), «схожу с ума» ($p=0,044$), «воплю и кричу» ($p=0,004$), «дразню кого-нибудь» ($p=0,000$), «делаю что-то подобное» ($p=0,037$), «бью, ломаю или швыряю вещи» ($p=0,013$).

Кроме экстрапунитивного копинга они достоверно *чаще* использовали стратегии *дистанцирования* – «стараюсь забыть» ($p=0,007$), «остаюсь, сам по себе один» ($p=0,022$), *избегания-отвлечения* – «мечтаю, представляю себе что-нибудь» ($p=0,043$), «гуляю вокруг дома или по улице» ($p=0,031$), «играю во что-нибудь» ($p=0,007$), и достоверно *реже* – стратегии *интернализации* – «беспокоюсь из-за этого» ($p=0,042$).

Восприятие ребенком отношения к нему родителей также существенно отличалось у детей с нарушениями поведения от оценок нормально адаптированных детей:

- Дети с девиантным поведением отмечали достоверно более низкую эмоциональную близость с матерью ($p=0,019$) и отцом ($p=0,003$), а также *большую* неудовлетворенность отношениями с матерью ($p=0,02$) и отцом ($p=0,000$) по сравнению с адаптированными детьми;
- Дети с нарушениями поведения отмечали со стороны отца достоверно *большую* строгость ($p=0,037$) и требовательность ($p=0,022$), а также более выраженное неприятие к ним ($p=0,008$).

Отношение матери к своему ребенку в этих семьях также достоверно отличалось от тех семей, где таких проблем с поведением не было. Мама детей с девиантным поведением достоверно *больше* конфликтовали с членами семьи из-за воспитания ($p=0,005$) и отмечали *большую* неудовлетворенность отношениями с ребенком ($p=0,000$).

Обнаружено влияние родительского паттерна копинг-поведения на совладающее поведение детей с нарушениями поведения, а также на характер детско-родительских отношений:

- Матери, использующие *чаще* стратегии *планирования решения проблем*, были более строгими с ребенком;
- Интернальные матери - склонные к выбору стратегий *принятия ответственности*, в большей степени контролировали своего ребенка, т.е. они пытались вести себя также и в сфере воспитания;
- Матери, склонные в большей степени к *положительной переоценке* стрессовой ситуации, лучше сотрудничали со своим ребенком и в большей степени были удовлетворены отношениями с ним, что свидетельствует об их более гибкой позиции;
- Отцы, использующие *чаще* *конфронтативный копинг*, были более строгими по отношению к ребенку, менее последовательными в воспитании и демонстрировали меньшее принятие своего ребенка;
- Отцы, склонные выбирать стратегии *дистанцирования*, *бегства-избегания*, *положительной переоценки*,

планирования решения проблем, меньше сотрудничали с ребенком, что свидетельствует об их низкой включенности в процесс воспитания;

- Чем *чаще* отцы использовали стратегии *принятия ответственности*, тем *хуже* они оценивали эмоциональную близость со своим ребенком, что свидетельствует об эмоциональном отвержении его со стороны родителя.

Таким образом, отцы детей с нарушениями поведения были либо мало включены в процесс их воспитания, либо проецировали в эту сферу свой неконструктивный копинг-стиль.

Субъективная оценка ребенком отношения к нему родителей подтверждает эти выводы:

- В семьях, где отцы склонны к более частому применению *конфронтативного копинга*, дети *реже* отмечали его конфронтацию с членами семьи по вопросам воспитания, т.е. авторитет отца в этих вопросах был непререкаем;
- Отцы, чаще использующие конструктивный копинг *планирования решения проблем*, по мнению ребенка, были более требовательны;
- Отцы, склонные к *поиску социальной поддержки*, по мнению ребенка меньше его контролировали;
- Матери, чаще использующие стратегии *принятия ответственности* и *планирования решения проблем*, по мнению ребенка, больше контролировали его и были более эмоционально близки с ним.
- В семьях, где матери были больше склонны к *конфронтативному копингу* и *избеганию*, дети больше отмечали согласие с ней (т.е. такая непоследовательность в поведении матери оставляет возможности для манипулирования);

Таким образом, нетрудно заметить, что особенности личностного реагирования родителя в стрессе во многом обуславливают стили семейного воспитания и восприятие родителя ребенком, который вынужден «приспосабливаться»

к их копинг-поведению и системе требований. Родители же выстраивают свой стиль взаимодействия с ребенком в соответствии со своими совладающими механизмами.

Копинг-стиль отца и матери был взаимосвязан и с совладающим поведением ребенка-дезадаптанта:

- Конфронтативный копинг отца способствовал проявлению ребенком стратегий экстернализации – «кричу, чтобы выпустить пар»;
- Выраженная тенденция отца к поиску социальной поддержки не способствовала выбору стратегий решения проблем – тем реже ребенок «думал о том, что будет делать или говорить»;
- Использование отцами стратегий принятия ответственности и планирования решения проблем, приводило к тому, что дети больше «злились на себя за то, чего не должны были делать», т.е. интернальная позиция отцов формировали интернальность у детей;
- Склонность к положительной переоценке у отцов приводила к формированию стратегий интернализации у их детей;
- У матерей, демонстрирующих большее принятие ответственности, дети меньше дистанцируются - реже склонны «говорить себе, что это не имеет значения» или «что мне все равно»;
- Выраженная тенденция матерей к положительной переоценке способствовала проявлению у ребенка стратегий экстернализации – «кричу, чтобы выпустить пар»;
- У матерей, склонных к планированию решения проблем, дети реже используют дистанцирование – «говорю себе, что это не имеет значение» и реже считают, что «могут изменить ситуацию».

Результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что паттерн копинг-поведения ребенка формируется под воздействием ряда факторов, среди которых семейным процессам принадлежит ведущая роль. В

когнитивно-поведенческом подходе каждого индивида рассматривают как самостоятельную данность, а взаимное коммуницирование в семье - как стимул и дополнение к развитию другого. «Социальное научение» в таком случае происходит в зависимости от подкрепления родителем поведения ребенка.

Если же рассматривать семью, с точки зрения системного подхода, то «симптоматическое поведение» одного члена семьи является результатом нарушения всей системы отношений. Если рассматривать «симптом» в семейном контексте, тогда получается, что «беды приходят не к человеку, а к семьям». И «идентифицированный пациент» лишь семейный «козел отпущения», открыто страдающий за всех, на что указывают «узоры поведения» членов семьи в стрессе. Исследование копинг-поведения у детей с девиантным поведением наглядно подтвердило эти точки зрения, как на интрапсихическом, так интерперсональном уровне - нарушенные отношения с родителями сформировали неадекватные способы реагирования на стресс у ребенка, где личность родителя - в данном случае его копинг-стиль, превращается в фактор внутренних, психологически мотивированных условий развития и адаптации ребенка (т.е. «какова жизнь ребенка - таков и ее копинг»).

Литература

1. Михайлова Н.Ф., Истомина С.Л. Процессы адаптации в семьях здоровых и больных неврозами //Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева, 1996 - № 3-4, с. 50-52.
2. Михайлова Н.Ф., Голебцова Е.В., Трофимова Н.С. Агрессивное и совладающее поведение у подростков социального риска //Материалы научно-практической конференции: Ананьевские чтения - 2003 (Б.Г.Ананьев и комплексные исследования человека в психологии) – Санкт-Петербургский университет, 2003, с. 283-284.

3. Михайлова Н.Ф., Машталь О.Ю., Сорокина А.В. Влияние копинг-стиля родителей на формирование механизмов совладания у детей // Материалы научно-практической конференции: Ананьевские чтения - 2004 (Юбилей кафедры медицинской психологии и психофизиологии) – Санкт-Петербургский университет, 2003, с.417-420.
4. Сирота Н.А. Копинг-поведение в подростковом возрасте: Автореферат дисс. докт.мед.наук.- СПб., 1994.
5. Kliewer W. Coping in Middle Childhood: Relations to Competence, Type A Behavior, Monitoring, Blunting and Locus of Control // Dev. Psychol. -1991. – V.27, № 4. – P.689-697.
6. Sek H. Life stress in various domains and perceived effectiveness of social support // Polish Psychol. Bull. - 1991. - V.23 (3). - P.151-161.